

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

На правах рукописи

Вдовин Алексей Владимирович

**Жанр «рассказа из крестьянского быта» в русской литературе до отмены
крепостного права: сюжетика, поэтика, идеология**

Резюме

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Москва 2023

Работа выполнена в Школе филологических наук Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Публикации

На защиту выносятся перечисленные ниже десять статей. В девяти из них А.В. Вдовин — единственный автор, в одной — первый автор (автор-корреспондент). Все статьи опубликованы (или находятся в печати) в ведущих рецензируемых журналах, индексируемых в базе данных Scopus. Из них: две статьи напечатаны в журналах, входящих в 1-й квартиль в базах данных Scopus, другие две — в журналах, относящихся ко 2-му квартилю в Scopus; одна статья — в журнале из Списка А НИУ ВШЭ.

- 1) Vdovin A., Zubkov K. New Approaches to Representations of Peasants in Russian Literature // *Russian Literature*. 2021. Vol. 119. P. 7-14. [**Scopus Q1, Список А**]
- 2) Вдовин А.В. Дьявольское искушение извозчика: генеалогия и социология популярного литературного сюжета // *Новое литературное обозрение*. 2023. № 4 (182). С. 109-122. [**Scopus Q3, Список В**].
- 3) Вдовин А. «Неведомый мир»: русская и европейская эстетика и проблема репрезентации крестьян в литературе середины XIX века // *Новое литературное обозрение*. 2016. Т. 146. № 5. С. 287-315 [**Scopus Q3, Список В**]
- 4) Вдовин А.В. Русская этнография 1850-х годов и этос цивилизаторской миссии: случай «литературной экспедиции» Морского министерства // *Ab Imperio*. 2014. № 1. С. 91-126. [**Scopus Q2, Список В**].
- 5) Вдовин А.В. Крестьянские речь и голоса в «Записках охотника» И.С. Тургенева и в прозе о крестьянах до отмены крепостного права // *Slovene*. 2022. Т. 11. № 2. С. 168-186. [**Scopus Q4, Список В**].
- 6) Vdovin A. Opaque Mind, Muteness, and Melodrama: Dmitry Grigorovich's Invention of Peasant Subjectivity in *The Village* (1846) // *Slavic and East European Journal*. 2022. Vol. 66. No 3. P. 373-391. [**Scopus Q4, Список А**]
- 7) Вдовин А.В. Прозрачное мышление и крестьянская субъективность в повести И.С. Тургенева «Постоялый двор» // *Сибирский филологический журнал*. 2024. № 4 (в печати) [**Scopus Q4, Список С**].
- 8) Вдовин А.В. Конструирование крестьянских субъектов в прозе для народа 1839-1861 годов // *Детские чтения*. 2023. № 1. С. 269-298. [**Scopus Q4, Список D**]
- 9) Vdovin A. The Nationalization of Patriotism in Russian Literature during the Crimean War: Institutions, Everyday Nationalism, and Images of Peasants // *Russian Review*. 2024. Vol. 83. No 1 (в печати) [**Scopus Q2, Список А**].

- 10) Vdovin A. "Devilish Money" and Peasant Ethics: Leo Tolstoy's Economic Imagination and Emplotment in "Polikushka" // *The Russian Review*. 2017. Vol. 76. No. 1 (January). P. 53-71. [Scopus Q1, Список А]

Результаты диссертационного исследования также представлены в следующих 14 статьях:

- 1) Вдовин А.В. Время модернизации: патриархальные ритуалы, эмансипационная этика и исторические аллюзии в драме А.Ф. Писемского "Горькая судьбина" // *Russian Literature*. 2021. Т. 119. С. 43-69. (Scopus Q1, Список А)
- 2) Вдовин А. В. Ориентализация «другого» как страх перед своим народом: «Олеся» А.И. Куприна в постколониальной перспективе // *Scando-Slavica*. 2019. Т. 65. № 2. С. 223-238. (Scopus Q2, Список А)
- 3) Vdovin, Alexey. Nationalizing Science in Mid-Nineteenth Century Russia: Ideological Origins of the Naval Ministry's "Literary Expedition" // *Scando-Slavica*. 2015. Vol. 61. No. 1. P. 100-118. (Scopus Q2, Список А)
- 4) Вдовин А.В. Современная русская литература в хрестоматиях 1843–1904 годов и литературный канон // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 1. С. 85-10. (Scopus Q1, Список В)
- 5) Вдовин А.В. Был ли М.М. Достоевский автором рецензий на народные рассказы Марко Вовчок в журнале «Светоч»? (Из комментария к статье Ф.М. Достоевского «Г-н -бов и вопрос об искусстве») // *Русская литература*. 2023. № 4 (в печати). (Scopus Q2, Список В)
- 6) Vdovin A. "Dmitry Tolstoy's Classicism": And The Formation Of The Russian Literary Canon in The High School Curriculum // *Ab Imperio*. 2017. No. 4. P. 108-137. (Scopus Q2, Список В)
- 7) Вдовин А.В. Крестьяне в литературе, локальное знание и проблема модерности (Рец. на кн.: Donovan J. *European Local-Color Literature: National Tales, Dorfgeschichten, Romans Champêtres*. N.Y., L., 2010) // *Новое литературное обозрение*. 2017. Т. 143. № 1. С. 362-370.
- 8) Vdovin, A. *The Peasant* // *New Cambridge History of Russian Literature*. Cambridge: Cambridge University Press, 2024 (в печати).
- 9) Вдовин А. «Крестьянский пантеизм на экспорт: «Муни-Робэн» Жорж Санд, «Касьян с Красивой Мечи» И.С. Тургенева и идеология прозы о крестьянах 1840-х годов» // «Идеологические контексты русской культуры XIX-XX века и поэтика перевода Т. 93: Wiener Slawistischer Almanach. Peter Lang GmbH, 2017. С. 89-97.
- 10) Вдовин А. В. Сюжет для народа: «Коробейники» Н.А. Некрасова в контексте прозы о крестьянах 1840-1850-х годов // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. 2016. № 3. С. 190-206.
- 11) Вдовин А. «Русский народный характер как «литературный обман» (рассказ А.Ф. Писемского «Леший»)» // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, XII:

Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Tartu: University of Tartu Press, 2011. С. 301-317.

- 12) Вдовин А. В. Пахарь-певец на пороге смерти: «Несжатая полоса» Н.А. Некрасова и элегическая традиция // Карабиха: историко-литературный сборник / Науч. ред.: М. Makeев, Е. Яновская, А. Ивушкин. Вып. IX. Яр. : ООО "Академия 76", 2016. С. 47-59.
- 13) Vdovin A. Formulating the "Russian Idea": Russian Writers and the Nationalization of Patriotism during the Crimean War (Maikov, Goncharov, Pisemsky) // Russian National Myth in Transition. Acta Slavica Estonica, VI. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia, XIV / Ed. by L. Kisseljova. Vol. VI. Tartu: University of Tartu Press, 2014. P. 107-120.
- 14) Вдовин А. В. Литературный канон и национальная идентичность: «Что ты спишь, мужичок?» А.В. Кольцова и споры о русскости в XIX веке // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. / Отв. ред.: А. В. Вдовин, Р. Г. Лейбов. Т. 4: Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика и литературный канон XIX века. Тарту: University of Tartu Press, 2013. С. 139-162.

Апробация работы

Основные идеи, положения и результаты исследования обсуждались в 2013–2023 гг. на 25 международных и национальных конференциях, в их числе:

- ААТСЕЕЛ (2023), тема доклада: «Marko Vovchok, Dostoevsky and the Debates on Popular Ukrainian and Russian Literature in 1860-61».
- ААТСЕЕЛ (2021), тема доклада: «Making Peasants Sensible: The Paradox of Semi-Transparent Minds in Russian Pre-Emancipation Fiction».
- Международный Некрасовский конгресс (Ярославль-Карабиха, 2021), тема доклада: Генезис и социология некрасовского и других «Извозчиков».
- Онлайн семинар «19vek» (Университет Нью-Йорка, 2021), тема доклада: Стенография, насилие и мелодрама: народные рассказы Марко Вовчок между украинской и русской культурами.
- Теории и практики литературного мастерства (НИУ ВШЭ, 2020), тема доклада: Крестьянские голоса: стилизация речи простонародья в русской прозе 1850-х
- Международный Лотмановский семинар (Тартуский университет, 2016), тема доклада: Сюжет для народа: поэма Н.А. Некрасова «Коробейники» и проза о крестьянах 1840-50-х годов.
- Научный семинар Отделения славянских исследований (Университет Индианы, Блумингтон, 2016), тема доклада: Крестьянские голоса и их поклонники: Русификация патриотизма в России во время Крымской войны 1853-1856 гг.»
- АСЕЕЕС (2016), тема доклада: "Peasant Pantheism for Export: George Sand's

Idealized Peasants in Ivan Turgenev's A Sportsman's Sketches".

- XXXVII Некрасовская конференция (ИРЛИ РАН, 2014), тема доклада: Некрасов и Кольцов: об одном источнике "Несжатой полосы".

Всего по теме диссертации было сделано 27 устных докладов. Исследование было поддержано Программой фундаментальных научных исследований НИУ ВШЭ в 2013 и 2015 годах.

Широко известно, что «Записки охотника» И.С. Тургенева и первые повести Д.В. Григоровича утвердили в русской литературе 1840-х годов жанр рассказа, повести и очерка о крестьянах, которые в критике 1850-х годов получили условно-обобщенное название «рассказа из крестьянского быта». До сих пор в отечественной и зарубежной науке этот вид художественных произведений рассматривался лишь как тематически однородная и сравнительно небольшая группа текстов, принадлежащих перу десятка авторов (И.С. Тургеневу, Д.В. Григоровичу, В.И. Далю, А.Ф. Писемскому, Л.Н. Толстому, Марко Вовчок, Н.В. Успенскому). Фронтальный просмотр периодики, отдельных изданий и альманахов 1770-х–1861 годов, а также изменение угла зрения и подхода к материалу позволяют пересмотреть устоявшиеся представления и утверждать, что «рассказ из крестьянского быта» фактически был особым прозаическим жанром, широко распространенным на страницах изданий первой половины XIX столетия, особенно с 1830 по 1861 год. Именно этот массив из **230** выявленных нами текстов (см. Приложение 11 к диссертации) и составляет **источниковую базу** диссертационного исследования. При этом следует сразу оговорить, что мы исключили из рассмотрения драму, поэзию и романы из крестьянского быта (за исключением нескольких драматических сочинений периода Крымской войны в разделе 4). Ограничение материала лишь малыми прозаическими жанрами было сделано сознательно по нескольким причинам. Прежде всего, поэтический язык и драматическая репрезентация, с точки зрения современной нарратологии, функционируют по разным принципам и требуют различных методов анализа. Во-вторых, поиск стихотворений о крестьянах в периодике и альманахах длился бы много лет, а строить исследование лишь на канонических стихотворениях Некрасова, Кольцова и Никитина противоречило бы установке на введение в оборот большого массива малоизвестных текстов.

Сразу следует оговорить и жанровые дефиниции. Несмотря на то, что в источниковую базу работы входят рассказы, повести и очерки, мы приняли решение с некоторой долей условности использовать зонтичное определение «рассказ(ы) из крестьянского быта», поскольку этот термин широко циркулировал в критике 1850-60-х годов. Помимо этого, жанровые границы между рассказом,

повестью и очерком в литературоведении дискуссионны, а для целей нашего исследования гораздо существеннее были не столько жанры сами по себе, сколько жанровые модусы (идиллия, пастораль, «антиидиллия», см. ниже). Наконец, мы целенаправленно отграничили «рассказ из крестьянского быта» от более широкого по социальному срезу «рассказа из простонародного быта», хотя для современников эти определения часто были синонимичны. Мы же понимаем под «простонародностью» более широкую категорию, включающую другие сословия – мещанство, купечество, городских обывателей, отставных солдат.

Хронологические рамки исследования ограничены 1861 годом – отменой крепостной зависимости. Понятно, что репрезентация крестьян в прозе продолжалась и после этой даты, однако мы исходили из двух простых причин: с одной стороны, крестьянская реформа сделала крестьян юридически свободными субъектами, что стало водоразделом в социальной жизни империи; с другой – огромный массив текстов должен был быть где-то ограничен, иначе исследование потеряло бы свою сфокусированность на жанре рассказа из крестьянского быта, который после реформы начал приобретать новые черты.

Таким образом, **предметом** исследования является корпус из 230 прозаических фикциональных текстов о крестьянах, а **объектом** – специфика и границы художественной репрезентации крестьянского быта и мировоззрения в них. Под «крестьянским» имеется в виду любые существовавшие в Российской империи до 1861 года типы крестьян – помещичьи (включая дворовых, барщинных, оброчных), государственные, дворцовые и свободные.

Научная проблема работы заключалась в проверке гипотезы о существовании в литературе до отмены крепостного права отдельного жанра рассказа (очерка или повести) о крестьянах с отчетливо опознаваемой поэтикой. Как показало наше исследование, такой жанр не только в самом деле существовал, но был широко распространен, оценен критикой, узнаваем читательской аудиторией и выполнял важные культурные и социальные функции. **Ключевые цели исследования** состояли в том, чтобы:

1. составить как можно более полную библиографию рассказов, очерков и повестей из крестьянского быта с 1772 по 1861 годы;
2. выявить жанровые параметры и формальные черты рассказов из крестьянского быта;
3. описать социокультурный и политический контекст формирования жанра в 1840-50-е годы;
4. выявить возможные европейские источники и модели жанра и его эстетического осмысления в русской критике 1850-х годов;
5. выяснить, с какими жанрами конкурировал рассказ о крестьянах и удалось ли ему их вытеснить на периферию;
6. описать и объяснить формы репрезентации крестьянского мышления, отношений между собой и другими сословиями;

7. понять и объяснить, какие социокультурные сдвиги и общественные процессы нарративизировал и символически оформлял жанр рассказа о крестьянах в 1840-1850-е годы;
8. выявить и объяснить социокультурные функции жанра.

Поставленные цели представляются **актуальными** сразу по нескольким причинам. Во-первых, эта «археологическая» работа позволит открыть для исследователей и потенциальных читателей забытую «Атлантиду» — большой массив текстов, в которых изображалась и художественно исследовалась жизнь подавляющей части населения Российской империи — крестьян различных типов.

Во-вторых, перечень популярных жанров русской литературы XIX века пополнится еще одним. Хотя он и упоминается в исследованиях, но всегда обзорно [Русская повесть 1973: 84, 208-210, 351-366], и исследователи продолжают оперировать малым корпусом из 15-20 наиболее каноничных текстов ведущих авторов, крайне редко обращаясь к подводной части айсберга. Поскольку число рассказов из крестьянского быта за период с 1772 по 1861 г. составляет более 200, это сопоставимо с такими популярными и уже описанными жанрами русской словесности, как «святочный рассказ» или «фантастическая повесть».

В-третьих, изучение столь обширного, но не введенного в научный оборот массива текстов позволит проанализировать, какими характеристиками наделялись русские крестьяне до отмены крепостного права, каким предстал русский национальный характер, средоточием которого элите в ту эпоху представлялись именно крестьяне, и какие сюжетные модели доминировали для решения каких эстетических задач. Представляется, что сложившиеся в первой половине XIX столетия сюжетные модели и типы персонажей-крестьян оказались во многом архетипическими и далее с вариациями воспроизводились в русской литературе и культуре вплоть до «деревенской прозы» второй половины XX века.

Историографии проблемы уходит корнями в критические полемики середины XIX века [Анненков 1854; Скабичевский 1903]. В целом же наше исследование опирается на большой массив советских [Серман 1961; Таршиш 1966; Самочатова 1972], российских [Журавлева 1993; Большакова 2004; Соколова 2009] и зарубежных исследований [Fanger 1968; Donskov 1972; Woodhouse 1986; Woodhouse 1991; Frierson 1993; Ogden 2005; Pavlenko 2014 и др.] репрезентации крестьян в русской литературе, в том числе у отдельных авторов.

Новизна исследования, таким образом, состоит в том, что в отличие от предшествующих трудов о крестьянской теме в русской литературе, в нашей работе

- впервые представлена максимально полная на сегодняшний день библиография рассказов и повестей из крестьянского быта, опубликованных на русском языке в книгах и периодических изданиях с 1772 по 1861 годы;

- впервые предложено описание формальных признаков жанра рассказа из крестьянского быта в богатом литературном и идеологическом контексте эпохи;
- впервые выявлены наиболее частотные сюжетные модели рассказов из крестьянского быта (с помощью метода определения «элементарных сюжетов» Т.А. Китаниной) и стоящие за ними символические представления о социальной реальности и взаимодействии между условиями и внутри одной социальной группы;
- обоснована существовавшая в 1840-50-е годы корреляция между типом элементарного сюжета и жанровым модусом (такие социально-этические сюжеты, как «искушение», «насилие», «измена» и др. всегда соответствуют антиидиллическому модусу в противоположность любовным сюжетам, коррелирующим с модусом идиллии или пасторали);
- впервые комплексно объяснены различные социокультурные и политические функции жанра, а также причины его популярности в русской литературе до отмены крепостного права.
- на репрезентативном корпусе текстов разработана новая теоретическая модель исследования крестьянской субъективности в литературе XIX века.

Методология такого обширного и многостороннего исследования по определению включала в себя несколько различных методов и подходов, направленных на решение различных, но тесно связанных между собой задач. С одной стороны, это жанровая критика, нарратология и сюжетология, направленные на анализ повествовательных структур, а с другой – это социологическая поэтика текстов, предполагающая исследование социологичности самой формы, которая транслирует определенное содержание и идеологию в непосредственной связке с конкретным историческим моментом.

В исследовании поэтики жанра рассказа из крестьянского быта мы опирались в первую очередь на влиятельную концепцию французского филолога и философа Ж.-М. Шеффера [Шеффер 2010]. С его точки зрения, любой жанр представляет собой не столько закрытую структуру, неизменную во времени, сколько подвижный набор свойств художественного текста, который складывается в рецепции целой серии произведений читателями и писателями. В таком понимании жанр исторически изменчив (Шеффер показывает это на материале таких старых жанров, как пастораль, идиллия и др.). Концепция Шеффера, с нашей точки зрения, лучше всего подходит для описания и объяснения жанра рассказа из крестьянского быта, поскольку он характеризуется как раз изменчивостью, открытостью и подвижностью границ. Наш подход будет заключаться в том, чтобы выявить характерные жанровые черты таких рассказов, с одной стороны, на материале отзывов критиков, а с другой – на материале большого корпуса рассказов и повестей. На пересечении структурного и рецептивного подходов к жанру, по

нашему мнению, и возможна продуктивная категоризация жанра рассказа из крестьянского быта.

Работая с исторически изменчивым жанром идиллии и пасторали, мы использовали некоторые идеи М.М. Бахтина (в первую очередь, идеи об идиллическом хронотопе: [Бахтин 2012]), а также исследование Пола Альперса о рецепции античных жанров идиллии и пасторали в новое время [Alpers 1996]. История жанра идиллии в русской прозе первой половины XIX века развернуто описана в кандидатской диссертации [Плечова 2007]. Все эти работы продуктивно использовать для исследования процесса постепенного перехода от идиллического и пасторального модусов к более критическому модусу, который я и называю «рассказом из крестьянского быта».

Для анализа сюжетов рассказов из крестьянского быта будет использоваться методика, разработанная Т.А. Китаниной на основе трудов фольклористов [Китанина 2005]. Китанина кладет в основу классификации сюжетов принцип, который давно используют фольклористы: определение исходной ситуации, которая запускает действие, и выявление изменений в состоянии протагониста(ки). Иными словами, элементарный сюжет, в соответствии с которым разворачивается текст, определяется исключительно по исходной ситуации (например, если состояние героя меняется в результате сватовства, то элементарный сюжет будет связан с браком, если с отъездом, то сюжет получит название «разлука» и т.д.).

Исследуя жанровые черты и повествовательные особенности рассказов из крестьянского быта, мы задействовали также некоторые нарратологические методы и подходы, разработанные в немецкой нарратологии [Шмид 2000], а также в англоязычной — в первую очередь, исследования изображения форм так называемого «прозрачного» сознания и мышления в художественной литературе преимущественно реалистического периода XIX века [Cohn 1978; Fludernik 1993; Leech, Short 2001: 270-276; Somoff 2015]. Для изучения репрезентации форм мышления традиционно используются речевые (лингвистические) категории (прямая речь/ мысль, несобственно-прямая речь/мысль и т.д.). Однако, как показали работы когнитивных нарратологов, лингвистические категории не позволяют описать и объяснить всего многообразия форм репрезентации человеческого мышления в художественной литературе, поэтому в диссертации будет частично использоваться и более современный когнитивный нарратологический подход, разработанный в исследованиях М. Флудерник [Fludernik 1993; Fludernik 2002], А. Палмера [Palmer 2004; Palmer 2010] и Д. Хермана [Herman 2011]. Выявление в текстах о крестьянах форм изображения их речи и мышления позволит сделать значимые выводы о сходствах и отличиях крестьянских персонажей от представителей образованных сословий (они хорошо изучены литературоведами).

Обращаясь к изучению социокультурных и политических функций рассказов о крестьянах в 1850-е годы, мы задействуем несколько теорий, получивших широкое распространение в гуманитарных науках. Прежде всего, это философско-

историческая критика репрезентации угнетенных и подчиненных социальных групп, разрабатываемая с середины 1980-х годов французским философом Ж. Рансьером [Rancière 2011, 2012]. Идеи Рансьера касаются самой сердцевины проблемы эстетической репрезентации в ее пересечении с проблемой социальной и – шире – политической субъектности. Вслед за Рансьером мы полагаем, что изучение репрезентации крестьян и других угнетенных в искусстве должно базироваться на таком формальном анализе, который историзировал бы различные эстетические режимы изображения социальных групп и позволял бы не отказываться от разговора о даже заведомо манипулятивной и проективной репрезентации, каковой было дворянское изображение крестьянского быта в русской литературе первой половине XIX века.

Не менее важными для исследования социокультурных функций жанра были концепции нации и национализма, которые в последние десятилетия все чаще востребуются для анализа литературы и культуры середины XIX века и особенно эпохи Крымской войны. Под национализмом в работе понимается в первую очередь «a sentiment or consciousness of belonging to the nation», которые в середине XIX века начали постепенно приобретать вид «an ideological movement for attaining and maintaining autonomy, unity and identity for a population which some of its members deem to constitute an actual or potential 'nation'» [Smith 2010: 2, 9].

Наконец, мы обращаемся и к компаративному анализу, который во многом интегрирует поэтику и социологию литературы. Как показала Ж. Донован, первые 30-40 лет XIX столетия в британской (М. Митфорд), французской (Жорж Санд), немецкой (Б. Ауэрбах), чешской, русской, американской (изображение рабства), а позже и других европейских литературах, сложилось целое направление «местного колорита», одной из важнейших тематических ниш которого как раз и стали рассказы из жизни крестьян (и шире – сельского простонародья) [Dopovan 2010]. В предлагаемой диссертации мы касаемся лишь некоторых сравнительных сюжетов в той мере, в какой они релевантны для раскрытия заявленной мной проблематики.

Синтезируя описанные методы, наше диссертационное исследование предлагает спроецировать существующие жанровые, политические и нарратологические теории на литературный материал, с тем чтобы операционализировать их, дополнив необходимыми связками, аналитическими процедурами и понятиями. Взятые все вместе, статьи, выносимые на защиту, предлагают синтетическую теорию крестьянской субъективности в текстах, написанных в основном не крестьянами о крестьянах. Итоговая концепция заключается в том, что жанр рассказа из крестьянского быта позволил авторам сконструировать крестьянских субъектов через особые нарративные техники (литературный этнографизм, стилизация речи, прозрачное/непрозрачное мышление). За счет них символическая форма этого жанра перераспределила в публичной и литературной сфере 1840-50-х годов то, что Жак Рансьер называет «чувственным» – в нашем случае коллективные представления о крестьянской субъективности, т.е. буквально о том, как думают и чувствуют крестьяне (с точки

зрения дворян). Таким образом, рассказы о крестьянском быте первой половины XIX века позволяют не только результативно операционализировать аналитический аппарат когнитивной нарратологии, создав работающую нарратологическую модель изучения фигурального мышления, но и существенно уточнить доминирующее представление об эволюции техники передачи мышления в русской прозе. В этом и состоит **теоретическая значимость** диссертационного исследования.

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать полученные результаты в первую очередь в преподавании университетских курсов по истории русской литературы первой половины и середины XIX века, истории русской прозы и нарратологии.

Первый раздел диссертации посвящен некоторым аспектам предыстории жанра идиллии в русской литературе о крестьянах. Как известно, в 1790-е годы в рамках культуры сентиментализма и раннего романтизма рубежа XVIII и XIX веков возник запрос на изображение крестьян в прозе. Авторы этого времени соединили крестьянскую тему с важнейшим мифом Нового времени об утраченном рае, который может быть заново обретен на лоне природы в мирной сельской жизни, противостоящей развращенному быту растущих городов. Применительно к литературе этот миф был объяснен и переосмыслен в трактате Фридриха Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии» (1795).

Почти одновременно с трактатом Шиллера в русской литературе появился первый прозаический текст, в котором протагонисткой стала свободная крестьянка, – «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина (1792). Повесть задала для русской прозы влиятельную жанровую модель, которую исследователи именуют «сентиментально-пасторальной», или идиллией. Карамзин обратился к той ее разновидности, в какой развязка элементарного сюжета «Соблазнение» несчастлива и трагична (самоубийство протагонистки). Сюжет «Соблазнение» будет десятки раз воспроизводиться сначала в сентиментальной беллетристике 1800-10-х, а потом в прозе о престоном народе 1830-60-х годов, поскольку ситуация соблазнения дворянином крестьянки позволяла читающей публике, заостря мысль Шиллера, острее переживать, с одной стороны, напряжение между на глазах уходящим в прошлое сельским укладом и модернизированной городской жизнью, а с другой – вопиющее неравенство сословий.

Повесть Карамзина стала в русской прозе и первым примером техники прозрачного мышления («transparent mind») задолго до ее распространения в русской литературе. Нарратор прибегает к почти тотальной прозрачности души и сознания героини. Они не являются для него ни эпистемологической, ни нарративной проблемами. Трудность передачи мышления героев может проявляться в характерных комментариях нарратора, признающего, что он не может полностью отобразить происходящее в сознании протагониста.

Создававшиеся во многом под влиянием карамзинской традиции

пасторальные и идиллические повести и рассказы о крестьянском быте 1790-1820-х годов («Роза и Любим» и «Даша» П.Ю. Львова, «Инна» Г.П. Каменева, «Лука да Марья» Федора Глинки, «Иван Костин» В.И. Панаева и др.) сюжетно так же вращались вокруг любовной проблематики, а повествовательная техника следовала заданному «Бедной Лизой» вектору. Субъективация крестьян протекала в них в русле сентиментальной чувственности, которая не проводила различий между субъективностью/мышлением крестьян и представителей образованных классов. Такой модус репрезентации эволюционно был, очевидно, важным и неизбежным, однако с середины 1830-х годов под воздействием различных социокультурных факторов (эскалации имперского национализма в виде триады графа Уварова и этнографическо-статистического изучения крестьян, запроса на достоверное, «реалистическое», изображение быта) он начал все чаще подвергаться критике как устаревший и неадекватный. Можно считать, что именно в этот период началась своего рода война с идиллией и «идеализацией» в изображении крестьян и их быта, которая лишь усиливалась по мере приближения отмены крепостного права.

Таким образом, ранний период развития жанра «рассказа из крестьянского быта» в русской литературе выпадает на 1790-1820-е годы, когда еще не существовало такого жанрового подзаголовка, а крестьянская субъективность могла воплощаться в прозе преимущественно в жанровых модусах идиллии или пасторали. Как мы увидим далее, на протяжении 50 лет с 1800-х к 1850-м доминирующий модус сменился с идиллического/пасторального на антиидиллический/антипасторальный.

На рубеже 1820-30-х годов начинается расширение зоны репрезентации крестьянской жизни, которое оказалось связанным с фигурой извозчика. В сущности, это были первые антиидиллические в жанровом плане тексты, отказывающиеся от любовного или семейного конфликта в пользу другого типа элементарного сюжета, который мы назвали «Искушением». В многочисленных рассказах о крестьянах, начиная с «Извозчика» И. Запольского и «Мешка с золотом» (1829) Полевого, извозчик выступал протагонистом и искушался большой суммой денег, случайно оставленной седоком.

Как мы показали, существует фундаментальная связь между морфологией сюжета о приключениях (в частности, искушениях) извозчика и социокультурными обстоятельствами XIX века — массовым отходничеством крестьян в Москву и Петербург. Сюжет об искушаемом большими деньгами извозчике возник в первой трети XIX века как ответ литературы и смежных дискурсов на растущее из-за трудовой миграции крестьян население Москвы и Петербурга и развитие транспортных коммуникаций в Российской империи. Более того, само искушение простолюдина в литературной мифологии того времени было прочно связано в первую очередь с фигурой извозчика, то есть крестьянина, а не дворянина или купца. Это произошло потому, что возницы были очень массовой и потому заметной группой трудовых мигрантов и наглядно репрезентировали для столичной культурной элиты «народ», встреча с которым была неизбежна едва ли не

ежедневно. Таким образом, внутри популярного литературного сюжета находил разрешение острый социальный конфликт — во-первых, напряжение между элитой и простонародьем, а во-вторых, антагонизм между свободными и крепостными.

К середине XIX века сюжет об искушении распространяется с извозчиков на другие группы крестьян и простолюдинов. Например, в «Поликушке» (1863) Л.Н. Толстого искушается дворовый Поликей, в народной драме А.А. Потехина «Чужое добро впрок нейдет» (1855) — сын состоятельного держателя постоянного двора Михайло, нашедший туго набитый купеческий бумажник, а в повести А.И. Левитова «Накануне Христова дня» (1861) — и сам обеспеченный хозяин постоянного двора Липат Семеныч.

Второй раздел исследования касается проблемы репрезентации и наррации в литературной критике и прозе о крестьянах 1840-50-х годов. В этом разделе освещаются узловые и наиболее дискуссионные проблемы, которые синхронная критика 1840-50-х годов видела в быстрой популяризации жанра и в творчестве наиболее заметных его представителей — И.С. Тургенева и А.Ф. Писемского.

Как показали наши разыскания, литературная критика в России проблематизировала возможность существования жанра рассказа из крестьянского быта лишь в 1850-е годы, т.е. примерно в то же самое время, когда сам жанр сформировался в литературе второй половины 1840-х-начале 1850-х годов. Именно поэтому в этом разделе речь сначала пойдет об общей эстетической и критической рамке споров вокруг нового жанра и нового типа протагонистов.

В предельно обобщенном виде вопросы, заданные критикой, звучали так: может ли крестьянин и простолюдин находиться в центре объемного (в пределе — романного), психологически достоверного повествования? Не противоречит ли изображение «сниженной», рутинной сферы жизни каким-то принципам художественности (т.е. консенсусному «эстетическому режиму»)? Первым русским критиком, всерьез задавшимся этим вопросом, был П.В. Анненков в статье 1854 года «По поводу романов и рассказов из простонародного быта» («Современник», 1854. № 2-3). Он пришел к весьма скептическому выводу: «простонародная жизнь не может быть введена в литературу во всей своей полноте без малейшего ущерба для истины». В итоге Анненков называет неадекватное изображение простонародного быта «идиллией», в которую впадают почти все названные им в статье писатели.

Вопрос о вероятных европейских корнях идей Анненкова никогда не обсуждался, однако нам удалось установить, что тезис о невозможности адекватно воспроизвести крестьянское сознание средствами литературы образованного сословия имеет вполне конкретную генеалогию и легко обнаруживается в определенной традиции — французской. Можно с уверенностью утверждать, что рассуждения Анненкова являются развитием идей Жорж Санд из программного предисловия к ее крестьянской повести «Франсуа-найденш».

Эстетический скепсис и даже «агностицизм» Анненкова по поводу самой возможности адекватно изобразить крестьянскую психологию был детерминирован

как раз той рационалистической традицией, с которой полемизировала Санд — со спекулятивной эстетической системой Гегеля, как нам удалось установить. Ее отзвуки явно слышны в статье Анненкова. Эти и другие описанные нами примеры прямого влияния эстетики и философии Гегеля на взгляды Анненкова позволили вписать дебаты вокруг нового жанра в общеевропейский контекст эстетической рефлексии над границами репрезентации в эпоху реализма.

Один из эпизодов этой «транссессии» был рассмотрен нами на примере хрестоматийного рассказа И.С. Тургенева «Хорь и Калиныч» (1847). Мы проанализировали знаменитый рассказ Тургенева с точки зрения того, как в языке тургеневской прозы из «Записок охотника» в конце 1840-х годов совершался дискурсивный сдвиг, задавший новый способ репрезентации крестьян. По нашему мнению, «Хорь и Калиныч» — это, без преувеличения, хронологически первый русский рассказ о крестьянах, где их сознание, склад ума и привычки описываются на языке философской (в первую очередь гегелевской) мысли, выработанном в философских кружках 1830—1840-х годов. Это достигается с помощью использования тех способов прорисовки и развития характера, что были опробованы в интимной переписке и психологической повести «натуральной школы» (ср. раннюю повесть самого Тургенева «Андрей Колосов», рассказы П.Н. Кудрявцева, А.Д. Галахова, И.И. Панаева середины 1840-х годов). Подобный язык, а точнее дискурс, складывание и взаимодействие которого с литературой было детально описано Л.Я. Гинзбург, предполагает не просто репрезентацию внутренних переживаний героев, их рефлексии, но и особый тип коллизии, заданный новыми для того времени моделями осмысления реальности, заимствованными из сочинений Шеллинга и Гегеля. Речь идет о новом понимании соотношения личности и истории (ср. «Былое и думы» Герцена), личности и общества (так называемый «диалогический конфликт» в прозе Герцена и Гончарова 1840-х годов), личности и институтов государства, права и брака (повести Кудрявцева, Галахова, Герцена, Салтыкова и других).

На развитие способов и форм изображения крестьян и их мышления в русской литературе оказали влияние, конечно же, не только эстетические дебаты европейских и отечественных критиков. Как мы показали, круг французских источников и моделей для «Записок охотника» Тургенева может быть расширен, за счет включения рассказа Жорж Санд «Муни-Робэн», который никогда не привлекал внимания тургеноведов. Кроме частной интертекстуальной параллели, это открытие позволяет увидеть в уникальной на первый взгляд манере Тургенева общеевропейский тренд — изображать крестьян наделенными особым, полурелигиозным, полумистическим типом восприятия реальности, который может быть назван «крестьянским пантеизмом».

Другой экспериментальный тип повествований о крестьянах был предложен А.Ф. Писемским. Как мы показали, его рассказ «Леший» (1853) позволяет увидеть, как происходило экспериментальное нащупывание нового языка и новых нарративных моделей репрезентации крестьянского быта. Хотя Писемского часто

противопоставляют тургеневской традиции в изображении крестьян, в одном их подход оказался поразительно сходным. Как и Тургенев, Писемский попытался разглядеть в крестьянской жизни не просто исключительные личности, но и вечные образы мировой литературы. Очевидно, ему важно было не просто показать, что «и крестьянки любить умеют», но ввести героев из русской жизни в сферу высокого искусства, сделать их равноправными с классическими типами, подобно тому, как Гамлеты и Дон Кихоты могут встретиться среди мелких дворян и в русских уездах.

История жанра в целом показала, что, как бы критики ни призывали отрешиться от литературности и создать новую форму, адекватную простонародному быту, такая программа оказалась в середине XIX века едва ли выполнимой.

В третьем разделе диссертации затрагиваются наиболее важные проблемы поэтики жанра рассказа из крестьянского быта. Мы обосновываем жанровые параметры и черты «рассказа из крестьянского быта» в период его быстрого дистанцирования от идиллии (или пасторали) и расцвета – с 1840 по 1861 годы. На примере собранного нами корпуса текстов были выявлены четыре устойчивые жанровые черты, отличающие рассказ из крестьянского быта от других смежных жанров: 1) протагоничность крестьян, 2) этнографизм, 3) установка на имитацию или передачу крестьянской речи, 4) хотя бы частичная репрезентация крестьянского мышления и сознания (в повествованиях от 3 лица).

Во всех текстах нашего корпуса протагонистами являются крестьяне или крестьянки. В 44% текстов (101 из 230) протагонистами выступают крепостные крестьяне (в том числе дворовые), причем если добавить к ним государственных крестьян, то процент составит 47%. Свободные крестьяне (или по крайней мере, выглядящие в тексте как обладающие свободой перемещения) составляют всего лишь 19% текстов (44), причем больше половины из них (24 текста или 55%) – локализованы в Малороссии или Правобережной Украине, где до конца XVIII века не было крепостного права и протагонистами могли выступать казаки или их потомки. Повествование в подавляющем большинстве рассказов корпуса сосредоточено на описании их семейного или общинного быта, часто в контакте или конфликте с дворянско-помещичьим. Соответственно, наиболее популярными элементарными сюжетами рассказов из крестьянского быта были: 1) «запрет на брак» (как правило, родительский – 33 текста); 2) «дьявольское искушение» (24); 3) «насилие» (внутрисемейное или со стороны помещика – 19), 4) «соблазнение» (18); 5) «соперники» (16).

Следует особо отметить сделанное нами открытие. Сюжет «насилие» возникает в прозе о крестьянах только в 1846 году в «Деревне» Д.В. Григоровича. Если в сюжете «запрет на брак» исходная ситуация обычно не связана с насилием, в «Насилии» она запускает дальнейшие события: повесть «Деревня» начинается с насильственного замужества Акулины, что и является источником всех дальнейших бед. С годами число текстов с таким сюжетом возрастает, достигая пика в канун отмены крепостного права.

Конечно, сюжеты литературы о крестьянах XIX века не исчерпываются названными типами. Во время Великих реформ появляются такие новые для крестьянского героя сюжеты, как «супружеская измена» (причем как правило женская). Например, в 1855 году Тургенев кладет его в основу повести «Постоялый двор», в которой Авдотья изменяет мужу Акиму с молодым мещанином Наумом, обманом отбирающим у Акима и его постоялый двор, и супругу.

Наконец, мы выявили корреляцию между типом сюжета и жанровым модусом (идиллией или антиидиллией). Как кажется, типология сюжетов, их рецепция и семантика дают основания утверждать, что корреляция, несомненно, существует. Кризис идиллических и пасторальных модусов крестьянских рассказов, который мы обсуждали в разделе 1, на уровне сюжета проявился в растущем спросе на противоположные типы сюжетов, размыкавшие внутрисословную замкнутость крестьянского мира и расширявшие зону его соприкосновения с другими сословиями и обстоятельствами. Для этого писатели начали все чаще обращаться к таким сюжетам, как «искушение», «насилие», «преступление». Менялась сама оценка и аксиология: если для идиллического модуса в целом была характерна «идеализация» крестьянского быта и сложный культурный механизм его экзотизации (*othering*), то антиидиллический режим был основан на социальной критике негативных сторон и условий воспроизводства его недостатков.

Другой жанровый признак – этнографизм литературы о крестьянах – был предопределен самой тематикой: достоверно рассказать о крестьянской жизни в эпоху интенсивно формирующегося реализма было возможно только включив в текст этнографический материал – описания повседневного быта, ритуалов, фольклора. Первая волна литературной моды на этнографизм проявилась в 1830-е, когда Н.В. Гоголь, Г.Ф. Квитка (Основьяненко) и другие авторы публикуют на русском языке в Москве и Петербурге циклы и серии рассказов из малороссийского быта. Во многих из них протагонистами были украинские крестьяне и свободные хуторяне. В 1840-е годы литературный этнографизм стал органической частью более широкого этнографического бума конца 1840-х годов, когда под эгидой учрежденного в 1845 году Русского географического общества формируется особый научный дискурс, интенсифицируется сбор этнографических материалов, отстраивается научная инфраструктура. Наиболее значительным событием 1850-х годов с точки зрения участия писателей в географическом и этнографическом изучении Российской империи стала так называемая «литературная экспедиция» Морского министерства 1855-1861 годов. Ее цель состояла в том, что начинающие писатели А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, М.Л. Михайлов, Г.П. Данилевский, А.А. Потехин, С.В. Максимов и др. были отправлены в казенную командировку – описать рыболовство и судоходство прибрежных жителей разных регионов, чтобы доставить сведения для реформы набора во флот. Среди экспедиционеров сразу несколько были известными авторами, работавшими в том числе в жанре «рассказа из крестьянского быта»: Писемский, Михайлов, Потехин, Максимов создали в 1850-е годы не по одному произведению этого жанра.

На текстуальном уровне этнографизм проявился в прозе о крестьянах в трех широко распространенных в текстах нашего корпуса приемах. Во-первых, писатели старались охватить как можно больше реальных групп крестьян и реалий их земледельческого, торгового или дворового быта. Во-вторых, для создания деревенского антуража писатели часто делали экскурсии в традиции и ритуалы крестьян – свадьбы, похороны, посиделки, гадания, ворожбу, знахарство, коновальство и т.п. Наконец, многие рассказы о крестьянах были проникнуты русским, украинским и другим славянским фольклором: авторы включали в текст народные песни, присказки, пословицы и поговорки, а герои со вкусом рассказывали многочисленные народные поверья и преданья.

Третьим определяющим жанровым признаком можно считать многочисленные попытки изображения и даже имитации крестьянских голосов и речи. Мы проанализировали большой корпус рассказов о крестьянах с 1798 по 1861 год как канонических (И. С. Тургенев), так и менее известных авторов (И. И. Запольский, А. В. Никитенко, А. Ф. Мартынов, Е. П. Новикова) с точки зрения репрезентации крестьянской речи. Мы пришли к выводу, что на протяжении всего указанного периода писатели постепенно увеличивали долю диалектных («областных») слов в речи персонажей из крестьян. Апогей этой тенденции пришелся на середину 1850-х гг. и коррелировал, с одной стороны, с бурным развитием этнографического и диалектологического знания в Российской империи, а с другой — с формированием особого режима эстетической репрезентации крестьян как «других» по отношению к образованной элите. Для наиболее полного раскрытия субъективности и субъектности крестьян в прозе требовалось изображать их речь одновременно и как в целом понятную читателям, и как фонетически и лексически отличную от нее. При этом степень такого отклонения должна была быть не очень существенной, за чем критики следили и постоянно дебатировали тонкую грань между типически достоверным и «неадекватным».

С голосом/речью отчасти связан и четвертый жанровый признак рассказов из крестьянского быта, – изображение крестьянского мышления (в частности, сознания). Если в эпоху Карамзина и даже Пушкина сознание и мышление крестьян не представляло для писателей познавательной проблемы, то эпоха раннего реализма поставила перед ними проблему: как изображать тот процесс, который они очень плохо знали и понимали. Развитие наук, в том числе этнографии, еще больше усложнило дело. Научная эпистемология и реалистические повествовательные конвенции требовали от писателей более сложной техники передачи чувств и мыслей героев, которая уже была апробирована на дворянах в прозе 1830-40-х годов. Однако оказалось, что это не просто, поскольку согласно наблюдениям критиков, философов и этнографов того времени, крестьяне не обладают столь же развитыми интеллектуальными способностями, как образованные классы и почти не способны к рефлексии. Одним из первых эту «инаковость» крестьянского сознания попытался воплотить Д.В. Григорович в «Деревне» (1846). В отличие от Карамзина, Григорович расщепляет внутренний

мир (interiority) героини на чувства и мысли. Если первые изображаются как доступные для «чтения» и пересказа нарратором, то вторые оказываются в лучшем случае полупрозрачными, а в основном – непрозрачными (например, «трудно сказать, о чем думала тогда деревенская девочка»). Тем не менее, нарратор конструирует внутренний мир женщины через описание страданий, аффектов и боли. Акулина предстает в повести почти бессловесной: крепостное и семейное насилие ожесточают ее и приводят к отказу говорить. Все это вместе объясняет, как писателю удалось создать новый тип повествования о крестьянах, поразивший современников, и почему можно говорить о новом типе крестьянской субъективности, заявляющем о себе в «Деревне».

Та же техника полупрозрачности характерна и для знаменитой повести Тургенева «Муму», в которой она доведена до предела: протагонистом выступает глухонемой Герасим, в мысли которого нарратор не может проникнуть, потому что герой не может говорить. В другой известной повести из крестьянского быта «Постоялый двор» (1855) Тургенев, напротив, впервые в своем творчестве конструирует субъективность крестьянина Акима через проникновение в его сознание посредством передачи прямой мысли и пересказа мыслительных актов (включающих широкий спектр ощущений и эмоций). В результате повествователь уделяет пристальное внимание внешней и внутренней речи главного героя Акима, ее утрате, а затем их восстановлению в финале повести. Как следствие, возвращение речи к герою и внутреннее перерождение можно интерпретировать как проявление субъектности и даже агентности героя.

В заключительном **четвертом разделе** мы рассматриваем две наиболее показательные социокультурные и политические функции, которые рассказы из крестьянского быта выполняли в русском обществе и культуре до отмены крепостного права. Первая заключалась в конструировании и дисциплинировании крестьянских субъектов через изображение приемлемых и неприемлемых моделей поведения в рассказах для народного чтения. Вторая актуализировалась во время Крымской войны (1853-56), когда среди образованной и аристократической элит прежде всего Петербурга и Москвы возник спрос на простонародные и крестьянские образы, которые ассоциировались с подлинной рускостью, противопоставленной «ложной» и навязанной официальной пропагандой.

В традиционном нарративе по истории народного образования и чтения в Российской империи считается, что книги для народного чтения как жанр появились не ранее 1860-х годов, а массово – в 1880-е годы. В нашем исследовании мы существенно скорректировали это представление и на материале 15 рассказов о крестьянах, созданных образованной элитой для народного чтения в 1839-1861 годах, доказали существование раннего этапа развития такого типа дидактической литературы для народа.

Мы пришли к выводу, что в 1840-е и первой половине 1850-х годов в создаваемой «сверху» литературе для народа доминировала установка на конструирование патриархального крестьянского субъекта (добродетельного

верноподданного), который во многом был смоделирован по образцу ребенка и задействовал репертуар сюжетов и идеологию из детской литературы 1830-х годов. В этом отношении показателен случай В.П. Бурнашева, который начинал как один из ведущих авторов детской литературы 1830-х годов, а с 1839 по 1846 годы создал серию рассказов для народного чтения, в которых использовал свои «детские» тексты, изменяя сюжет под крестьянскую аудиторию.

Во второй половине 1850-х годов, во время подготовки к отмене крепостного права, радикальная часть литературного сообщества начала воспринимать прежнюю модель литературы для «народа» как глубоко архаичную и предложила ей альтернативу. Такие известные своей демократической позицией авторы, как М.И. Михайлов и Марко Вовчок, на страницах журнала «Народное чтение» моделировали гораздо более эмансипированного читателя-простолюдина, в том числе женщину, которые должны были использовать чтение для становления собственной субъектности через социальную критику действительности в этих текстах и признание человеческого достоинства наивысшей ценностью.

Вторая важная социокультурная функция рассказов из крестьянского быта актуализировалась во время Крымской войны. Мы продемонстрировали, как рассказы из крестьянского быта, наряду с народными драмами и сценками из простонародного быта, сыграли важную роль в эскалации русского этнизирующего национализма во время Крымской войны 1853-56 годов. Отталкиваясь от недавних историко-культурных исследований (О. Майрова и др.) и теоретических работ о национализме (Э. Смит), мы рассмотрели, как и почему в течение трех военных лет в петербургском обществе, театре и литературе возникла острая потребность в националистическом переживании общности с народом, которая кодировалась в категориях национальной идентичности («русскости»). Мы также показали, что амбивалентное понятие «русской души» зародилось и развивалось в письмах Ф.М. Достоевского, публицистике А.Н. Майкова, очерках И.А. Гончарова и А.Ф. Писемского 1853-56 годов. Опираясь на большое число опубликованных и архивных материалов, мы последовательно описывали институты эскалации национализма (толстые журналы, газеты, Морское министерство, театр, столичные салоны и кружки), повседневные ритуалы (ношение русской одежды, аффекты, зафиксированные в дневниках современников) и образы крестьян, которые в художественных произведениях А.А. Потехина, А.Ф. Писемского, И.Ф. Горбунова, И.С. Тургенева и Д.В. Григоровича выступали как носители подлинной «русскости». Рост популярности текстов этих писателей в светских салонах, в театре и в журналах объясняется тем, что они демонстративно увязали психологию и субъективность крестьянских персонажей (иррациональность, стихийность) с их этнической идентичностью. Идущие в разрез с официальной пропагандой, представлявшей крестьян верными Царю, вере и Отечеству, новая репрезентация могла удовлетворять спрос элиты и социально пестрой театральной публики на образы единения в рамках единого национального сообщества и компенсировать разочарования от поражений на фронте.

Таким образом, большой период репрезентации крестьян в русской литературе до отмены крепостного права в 1861 году может быть описан через феномен, который выглядит парадоксом: *литературное становление крестьянина/ки как полноценного героя/героини и как субъекта стало возможным только через утверждение непрозрачности его мышления*. Такая эпистемологическая модель сформировалась в публичном дискурсе (критике, философии, публицистике, очерковой литературе) и художественной словесности в начале 1850-х годов. На смену сентименталистскому прозрачному сознанию бедной Лизы к середине 1840-х годов приходит новый режим чувственного (*sensible*, по Ж. Рансьеру) и новые представления о том, каков статус крестьянина/ки, каковы его характерные черты и чем он отличается от всех других подданных империи. Парадокс в том, что для того, чтобы его вообразить и изобразить в словесной форме, образованному классу потребовалось экзотизировать его и наделить чертами, во многом отличными от культурного стандарта первой трети XIX столетия. Так возник новый крестьянский и шире простонародный субъект и новые конвенции восприятия крестьянской субъектности и субъективности.

Научные положения, выносимые на защиту

1. Ранний период развития жанра «рассказа из крестьянского быта» в русской литературе выпадает на 1770-1820-е годы, когда еще не существовало такого жанрового подзаголовка, а крестьянская субъективность могла воплощаться в прозе в жанрах идиллии или пасторали («Бедная Лиза» и «Фрол Силин» Н.М. Карамзина и др.).
2. Хотя жанровое определение «рассказ из крестьянского быта» или «рассказ из (просто)народного быта» появился в названиях и подзаголовках текстов лишь в 1848 году (в «Рассказе из народного быта» В.В. Львова), 1840-е годы стали периодом быстрого формирования жанра рассказа о крестьянской жизни. Если за 1820-30-е годы в печати появилось всего 20 таких текстов, то в 1840-е годы – уже 69, а в 1850-е – пиковое значение 99.
3. Возникновение антиидиллической линии в развитии рассказа из крестьянского быта может быть датировано 1798 годом – публикацией рассказа И.И. Запольского «Извозчик». Под «антиидиллическостью» мы понимаем здесь отказ от любовного или семейного сюжета в пользу другого типа элементарного сюжета, который мы назвали «искушением». Он отличался социально острой проблематизацией реальности и изображал искушение извозчика или крестьянина крупными деньгами. Извозчики чаще других профессиональных категорий крестьян выступали протагонистами, потому что были очень массовой и заметной группой трудовых мигрантов и наглядно репрезентировали для столичной культурной элиты «народ», встреча с которым была неизбежна.

4. Центральное место в критической полемике вокруг рассказов из крестьянского быта занимала идея о невозможности адекватно изобразить крестьянское мышление и быт в литературе. В наиболее заостренном и развернутом виде эта концепция была сформулирована в статье П.В. Анненкова «По поводу рассказов и романов из простонародного быта» («Современник», 1854). Как мы установили, презумпция «неадекватности», восходящая к идее Руссо о неразвитости сознания у «естественного человека», была теоретически обоснована в эстетике Гегеля (отсутствие рефлексии у раба) и трансформирована в критике и «сельских повестях» Жорж Санд 1840-х годов, предложившей новую, «нормализующую», теорию репрезентации крестьянского мышления в литературе.
5. Наиболее влиятельными образцами жанра рассказа из крестьянского быта в 1840-е и первой половине 1850-х годов были тексты Д.В. Григоровича, И.С. Тургенева и А.Ф. Писемского, каждый из которых по-своему экспериментировал с традицией и создавал новые формальные решения. Григорович в «Деревне» (1846) впервые ввел в русскую литературу о крестьянах элементарный сюжет «насилие» и заменил идиллический модус на мелодраматический. Тургенев в «Хоре и Калиныче» использовал философский язык и дискурс дворянских кружков и повестей 1840-х годов для описания быта и мышления крестьян. В «Касьяне с Красивой Мечи» Тургеневым была задействована сандовская концепция «крестьянского пантеизма» для репрезентации инаковости крестьян. Наконец, Писемский в «Лешем» использовал проекцию страсти героини-крестьянки на сюжет пушкинской «Полтавы», чтобы дистанцироваться от объяснения мотивов ее странного поведения.
6. На собранном нами корпусе из 230 текстов были выявлены четыре устойчивые жанровые черты, отличающие рассказ из крестьянского быта от смежных жанров: 1) протагоничность крестьян, 2) этнографизм, 3) установка на имитацию или передачу крестьянской речи, 4) хотя бы частичная репрезентация крестьянского мышления и сознания (в повествованиях от 3 лица).
7. Наиболее частотными сюжетными моделями рассказов из крестьянского быта были: «запрет на брак» (33 текста), «дьявольское искушение» (24), «насилие» (19), «соблазнение» (18), «соперники» (16).
8. На большой выборке текстов мы обнаружили устойчивую корреляцию между типом элементарного сюжета и жанровым модусом. Для идиллического/пасторального модуса характерны любовные сюжеты («соблазнение», «разлука», «соперники», «запрет на брак»), в то время как для антиидиллического – социально-этические сюжеты («насилие», «искушение», «измена», «преступление»).
9. Рассказ из крестьянского быта был тем новым жанром, который вытеснял идиллию и пастораль на периферию литературы и формировал новое

- понимание и репрезентацию крестьянской субъективности новыми повествовательными средствами.
10. В 1850-е годы в толстых литературных и отраслевых журналах формируется протонаучный этнографический дискурс, важную часть которого составляло изучение и описание крестьянского быта и собирание фольклора. В развитии этой этнографической парадигмы знания 1850-х гг. принимали участие самые разные акторы – университетские профессора, чиновники, этнографы-любители, критики, публицисты и писатели. Наиболее значительным событием 1850-х годов с точки зрения участия писателей в географическом и этнографическом изучении Российской империи стала так называемая «литературная экспедиция» Морского министерства 1855-1861 годов.
 11. *Этнографизм* рассказов из крестьянского быта коррелировал с этнографической парадигмой знания 1840-1850-х годов, а в некоторых случаях буквально одни и те же авторы выступали и как авторы рассказов, и как этнографы (случай С.В. Максимова, А.Ф. Писемского, А.А. Потехина).
 12. Крестьянский быт и мышление описывались в прозе изучаемого периода лишь на русском и украинском материале (Н.В. Гоголь, Г.Ф. Квитка, Н. Тихорский, П.А. Кулиш, Марко Вовчок и др.). Другие этнические группы и народности практически не были представлены в художественной прозе.
 13. Такой жанровый признак, как имитация *крестьянских голосов и речи*, возникает в прозе о крестьянах с 1798 года. На протяжении 60 лет писатели постепенно увеличивали долю диалектных («областных») слов в речи персонажей из крестьян. Апогей этой тенденции пришелся на середину 1850-х гг. и коррелировал, с одной стороны, с бурным развитием этнографического и диалектологического знания в Российской империи, а с другой — с формированием особого режима эстетической репрезентации крестьян как «других» по отношению к образованной элите. Для наиболее полного раскрытия субъективности и субъектности крестьян в прозе требовалось изображать их речь одновременно и как в целом понятную читателям, и как фонетически и лексически отличную от нее. При этом степень такого отклонения должна была быть не очень существенной, за чем критики следили и постоянно дебатировали тонкую грань между типически достоверным и «неадекватным».
 14. Изображение *крестьянского мышления (в частности, сознания)* было еще одним существенным признаком жанра. Если в эпоху Карамзина и даже Пушкина мышление крестьян не представляло для писателей ни познавательной, ни нарративной проблемы, то в середины 1840-х годов наблюдается принципиальный разрыв. В «Деревне» Григорович расщепляет внутренний мир героини на отдельное описание чувств и мысли. Если первые изображаются как доступные для «чтения» и пересказа нарратором, то вторые оказываются в лучшем случае полупрозрачными, а в основном –

- непрозрачными. Нарратор конструирует внутренний мир женщины через описание страданий, аффектов и боли.
15. Та же тенденция наблюдается и в крестьянской прозе Тургенева, написанной в аукториальном типе повествования. Так, в «Муму» мышление Герасима непрозрачно (поскольку он глухонемой), хотя нарратор все же передает его эмоции и чувства. В другой известной повести из крестьянского быта «Постоялый двор» (1855) Тургенев, напротив, впервые в своем творчестве конструирует субъективность крестьянина Акима через проникновение в его сознание посредством передачи прямой мысли и пересказа мыслительных актов (включающих широкий спектр ощущений и эмоций).
 16. «Золотой век» репрезентации крестьян в русской литературе накануне отмены крепостного права в 1861 году может быть описан через феномен, который можно считать парадоксом: литературное становление крестьянина/ки как протагониста/ки и как субъекта стало возможным только через утверждение непрозрачности его/ее мышления.
 17. Жанр рассказов из крестьянского быта выполнял в русской культуре и обществе до 1861 года важные функции, создавая устойчивые образы и сюжетные ситуации, которые символически воплощали наиболее значимые ценности и смыслы, кодирующие базовые представления образованной элиты о русском национальном характере. Его моделью выступал именно крестьянин как внутренний «другой», точнее – как другая и лучшая, в отличие от дворян, часть населения империи.
 18. Идеализирующая воображаемого крестьянина тенденция проявлялась многообразно. В 1840-е и первой половине 1850-х годов в создаваемой «сверху» литературе для народа доминировала дидактическая установка на конструирование патриархального крестьянского субъекта (добродетельного верноподданного), который во многом был смоделирован по образцу ребенка и задействовал репертуар сюжетов и идеологию из детской литературы 1830-х годов. Во второй половине 1850-х годов радикальная часть литературного сообщества начала воспринимать прежнюю модель литературы для «народа» как глубоко архаичную. Известные своей демократической позицией авторы М.И. Михайлов и Марко Вовчок (М.А. Маркович) моделировали гораздо более эмансипированного читателя-простолюдина, в том числе женщину, которые должны были использовать чтение для становления собственной субъектности через социальную критику действительности в этих текстах.
 19. Рассказы из крестьянского быта, наряду с народными драмами и сценками из (?) простонародного быта, сыграли важную роль в эскалации русского этнизирующего национализма во время Крымской войны 1853-56 годов. Образы крестьян, которые в художественных произведениях А.А. Потехина, А.Ф. Писемского, И.Ф. Горбунова, И.С. Тургенева и Д.В. Григоровича выступали как носители подлинной «русскости», удовлетворяли спрос элиты

и социально пестрой театральной публики на символы и модели единения в рамках национального сообщества, что могло компенсировать разочарования от поражений на фронте.

20. Полученные в исследовании результаты могут быть применены для анализа поэтики и идеологии рассказов, повестей и романов второй половины XIX века, когда, хотя крепостное право и было отменено, литературная традиция репрезентации крестьян была уже сформирована.

Список цитируемой литературы

- Анненков 1854 – Анненков П.В. Романы и рассказы и прстонародного быта // Современник. 1854. No 2-3.
- Бахтин 2012 – Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. Теория романа (1930—1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012.
- Большакова 2004 – Большакова А.Ю. Крестьянство в русской литературе XVIII-XX вв. М.: Российская академия образования, 2004.
- Журавлева 1993 – Журавлева А.И. Проблема народа и художественные искания русской литературы 1850—60—х гг // Вестник МГУ. Филология. 1993. No 5.
- Китанина 2005 — *Китанина Т.А.* Материалы к указателю сюжетов предпушкинской прозы // Пушкин и его современники: Сб. науч. Трудов / Под ред. Е.О. Лариновой. СПб.: Нестор-История; Академический проект, 2005. Вып. 4 (43). С. 525—610.
- Плечова 2007 – Плечова Н.П. Идиллия в русской прозе 1840-1850-х годов. Диссертация к.ф.н. Псков, 2007.
- Русская повесть 1973 – Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Л., 1973.
- Самочатова 1972 – Самочатова О.Я. Крестьянская Русь в литературе. Тула, 1972.
- Серман 1961 – Серман И.З. Проблема крестьянского романа в русской критике и литературе XIX века // Проблемы реализма русской литературы XIX века. М.-Л., 1961.
- Скабичевский 1903 – Скабичевский А. Мужик в русской беллетристике (1847-1897) // Скабичевский А. Соч. в 2 т. СПб., 1903. Т. 2. С. 745-800.
- Соколова 2009 – Соколова В.Ф. Народознание и русская литература XIX века. М., 2009.
- Таршиш 1966 – Таршиш Н.Д. У истоков народной драмы // Статьи о русской и зарубежной литературе. Иваново, 1966.(Уч. зап. Иван. Гос. пед. ин-та. Т. 37).
- Шеффер 2010 – Шеффер Ж.-М. Что такое литературный жанр / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М., 2010.
- Шмид 2000 – Шмид В. Нарратология. М., 2000.

- Alpers 1996 – Alpers, P. J. *What Is Pastoral?* Chicago: University of Chicago Press, 1996.
- Cohn 1978 – Cohn, D. *Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction.* Princeton University Press, 1978.
- Donovan 2010 – Donovan J. *European Local-Color Literature: National Tales, Dorfgeschichten, Romans Champêtres.* New York, London, 2010.
- Donskov 1972 – Donskov, A. *The Changing image of the peasant in nineteenth-century Russian drama.* Helsinki: *Annales Academiæ Scientiarum Fennicæ*, 1972.
- Fanger 1968 – Fanger, D. *The Peasant in Russian Literature // Peasants in 19-century Russian / Ed. By W. Vucinich.* Stanford, 1968.
- Fludernik 1993 – Fludernik, M. *The Fictions of Language and the Languages of Fiction: The Linguistic Representation of Speech and Consciousness.* London: Routledge, 1993.
- Fludernik 2002 – Fludernik M. *Towards a “Natural” Narratology.* 2d ed. London, New York: Routledge, 2002.
- Frierson 1993 – Frierson, C. *Peasant Icons: Representations of Rural People in Late Nineteenth Century Russia.* Oxford: Oxford University Press, 1993.
- Herman 2011 – Herman D. *Introduction // The Emergence of Mind: Representation of Consciousness in Narrative Discourse in English / Ed. By David Herman.* Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 2011.
- Leech, Short 2001 – Leech, G., Short, M. *Style in Fiction. A Linguistic Introduction to English Fictional Prose.* Pearson, Longman, 2001.
- Maiorova 2010 – Maiorova O. *From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855-1870s..* Madison, 2010.
- Moon 1999 – Moon D. *The Russian Peasantry 1600–1930: The World the Peasant Made.* London; New York: Longman, 1999.
- Ogden 2005 – Ogden, A. *The Impossible Peasant Voice in Russian Culture: Stylization and Mimicry // Slavic Review.* 2005. Vol. 64, no 3. P. 517–537.
- Palmer 2004 – Palmer, A. *Fictional Minds. Frontiers of Narrative.* Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 2004.
- Palmer 2010 – Palmer, A. *Social Minds in the Novel. Theory and Interpretation of Narrative Series.* Columbus: Ohio State University Press, 2010.
- Pavlenko 2014 – Pavlenko, A. *Peasant as the Political Unconscious of Anna Karenina: Vengeance, Its Forms and Roots // Tolstoy Studies Journal.* 2014. Vol. 26. P. 19–28.
- Rancière 2011 – Rancière, J. *Mute Speech. Mute Speech: Literature, Critical Theory, and Politics / Tr. by James Swenson.* Columbia University Press, 2011.
- Rancière 2012 – *Rancière J. Proletarian Nights: The Workers' Dream in Nineteenth-century France / Transl. by John Drury* London: Verso, 2012.
- Smith 2010 – Smith A. *Nationalism.* 2nd Edition. Cambridge: CUP, 2010.
- Somoff 2015 – Somoff, V. *The Imperative of Reliability: Russian Prose on the Eve of the*

Novel, 1820s-1850s. Evanston: Northwestern University Press, 2015.

Woodhouse 1986 – Woodhouse, J. A Landlord's Sketches? D.V. Grigorovic and Peasant Genre Fiction // *Journal of European Studies* 16.4 (1986). P. 271-94.

Woodhouse 1991 – Woodhouse, J. Tales from Another Country: Fictional Treatments of the Russian Peasantry, 1847—1861 // *Rural History*. 1991. Vol. 2. No 2. P. 171—186.